

Серия «Возраст тумана»

Книга вторая

ЛУЧИК

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Thalamocele

18+

Серия "Возраст тумана"

Thalamocele .

**Лучик. Книга 2. Серия
"Возраст тумана"**

«Автор»

2026

. Т.

Лучик. Книга 2. Серия "Возраст тумана" / Т. . — «Автор», 2026 — (Серия "Возраст тумана")

Её зовут Лучик. Не потому, что ей легко. Просто кто-то должен улыбаться первым, писать тёплые слова на стаканах, отвечать на сообщения, помнить о чужой боли и делать вид, что сил ещё хватает. У неё есть работа в кофейне, учёба, съёмная квартира, подруги на кухне, отец, которому нельзя не ответить, и жёлтый балахон - слишком яркий для города, где всё заметное постепенно просят приглушить. Петербург в этой истории не кричит. Он шепчет через мокрые остановки, белые крышки, экран телефона, чужие правила и фразы вроде «сейчас лучше без лишнего». Здесь никто не запрещает быть живым прямо. Просто каждый день становится немного удобнее, если ты тише, ровнее, безопаснее. Но свет не исчезает сразу. Он сначала учится не мешать. Атмосферная психологическая драма о поколении, которое взрослеет среди усталости, осторожных слов и чужих границ. История о том, как трудно сохранить свет.

© . Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Кофейня	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Thalamocele .

Лучик. Книга 2. Серия "Возраст тумана"

Глава 1. Кофейня

Кофейня открывалась в семь ноль пять, хотя на двери было написано «с семи», и эти пять минут всегда казались Лучику маленькой честной щелью между тем, что обещано снаружи, и тем, как всё устроено внутри: вывеска уже светится, стулья уже сняты со столов, витрина уже притворяется утренней, но помещение ещё не стало местом для людей, ещё можно двигаться без улыбки, без голоса и без готовности принять чужое утро раньше, чем оно само поймёт, во что превратилось.

Раньше всех она приходила, чтобы собрать себя до потока. Нужно было включить кофемашину, дать ей прогреться, спустить первую воду из группы, открыть контейнеры с круассанами, переложить сырники, протереть стекло витрины, поправить ценники, проверить молоко и убрать из угла мокрую тряпку, которую вечерняя смена опять оставила комком.

На улице висела мелкая питерская взвесь - ни дождь, ни снег, - от которой воздух казался использованным, прошедшим через слишком много подъездов, автобусов, дешёвых сигарет и новостей, которые никто не слушает, но все уже носят под кожей. Напротив кофейни новый городской щит советовал сохранять ясность в изменившихся условиях, и эти слова выглядели чистыми, гладкими, пустыми.

Первым пришёл мужчина с серым рюкзаком, который всегда брал американо без сахара, платил телефоном и говорил «спасибо» с ровной автоматической интонацией. За год его лицо стёрлось до утреннего заказа: серая лямка на плече, сухая рука к стакану, ровное «спасибо» без имени; город быстро учил заменять имена функциями: американо без сахара, латте на овсяном, курьер с красной сумкой, женщина, которая всегда торопится, парень, который просит кипяток бесплатно.

- Хорошего дня, - сказала Лучик, ставя американо на стойку.

Мужчина кивнул, взял стакан и ушёл с ровной автоматической бережливостью человека, который давно охраняет внутреннюю батарейку: неизвестно, сколько ещё будет день и где понадобится остаток заряда.

После него вошли две школьницы в широких куртках, с одинаковыми белыми проводами в ушах и одинаковой осторожной наглостью на лицах, за которой у детей в этом возрасте прячется страх оказаться смешными. Они долго выбирали, хотя денег у них было только на один латте и слойку, спорили шёпотом, считали мелочь, доплачивали переводом, хихикали слишком резко, и Лучик, пока взбивала молоко, видела в отражении кофемашины их лица: ещё детские, но уже уставшие так, будто им заранее объяснили, что взрослеть теперь надо без восторга, без громкости и желательного без цветов, которые могут кому-нибудь показаться лишними.

На крышке латте она машинально нарисовала маленькое солнце: круг и несколько неровных лучей. Рука делала это раньше мысли. Кто-то замечал и улыбался, кто-то не замечал, кто-то потом просил «как в прошлый раз, с этим вашим солнышком», а Лучик делала вид, что смущается.

Старшая школьница увидела крышку, уже протягивая руку.

- Ой, - сказала она и сразу посмотрела на подругу, будто вместе с рисунком Лучик поднесла ей что-то слишком личное при свидетелях.

- Что?

- Да солнце тут.

Подруга фыркнула коротко, не зло, даже почти без участия.

- Милота какая.

Лучик улыбнулась раньше мысли. Старшая девочка вдруг сморщилась и сказала:

- Можно без этого? Ну, крышку другую.

Голос у неё звучал виновато-раздражённо: человеку поднесли не ту вещь слишком близко к лицу, и неловкость сразу перешла на того, кто держит. Лучик сняла крышку с солнцем, выбросила её в мусор под стойкой и поставила новую, белую, чистую, никакую, после чего школьница взяла стакан двумя пальцами так осторожно, чтобы не коснуться руки, что именно это, а не просьба заменить крышку, осталось в Лучике маленькой холодной точкой.

Девочки сели у окна, поставили стакан между собой, открыли телефоны. Белая крышка без солнца лежала на столе ровно и спокойно, будто с неё просто сняли лишнее.

- Опять рисуешь? - спросила Аня, выходя из подсобки с коробкой молока.

- Уже нет, - сказала Лучик.

- Тебя когда-нибудь за это отругают.

- За солнце?

- За инициативу, - сказала Аня и поставила коробку на стойку с таким звуком, будто ставила точку.

Аня была старше Лучика всего на три года, но жила так, будто за эти три года успела посмотреть все варианты человеческой глупости и теперь сэкономила лицо, слова и сочувствие. Короткие ногти без лака, тёмные круги под глазами, ругань вместо лишней вежливости. Лучик любила её за этот шероховатый край.

- Я больше не буду, - сказала Лучик.

Аня посмотрела на неё с сомнением.

- Да ладно. Ты через час опять начнёшь.

К восьми народ пошёл плотнее, и утро стало очередью людей с невидимой табличкой «быстрее». На маленьком экране над стойкой шли новости без звука; бегущая строка сообщала, что в ряде районов временно ограничена работа мобильного интернета по техническим причинам.

Женщина в красной шапке заказала матча на овсяном и, не поднимая взгляда от телефона, сказала:

- Только без рисунков, ладно?

Лучик кивнула слишком быстро.

- Конечно.

Матча плохо расходилась, порошок цеплялся за стенки питчера зелёными комками, и злость вдруг поднялась на эту зелёную пыль, на венчик, на белые крышки. Ничего страшного правда не случилось. Просто два человека за утро отказались от маленького знака.

Ближе к девяти вошёл мужчина лет тридцати, в чёрной куртке и медицинской маске, хотя маски давно уже никто не носил, и от этого он выглядел человеком, которому нужна была ещё одна ткань между лицом и людьми. Он остановился у меню, смотрел на него слишком долго для человека, который собирается выбрать напиток, и слишком пусто для человека, который просто не знает, чего хочет.

Очередь за ним сразу стала дышать иначе: чуть громче вздох, чуть резче телефон из руки в руку, едва заметный наклон головы. Лучик видела это каждый день и умела ставить между человеком и очередью свой голос - мягкий, рабочий, но всё же человеческий.

- Что будете? - спросила она.

Мужчина посмотрел на неё не сразу. Взгляд был странно ровным: через неё и прямо туда, где устала держаться улыбка.

- Кофе, - сказал он.

- Какой?

Он моргнул.

- Обычный.

Сзади кто-то тихо выдохнул через нос.

- Американо? - уточнила Лучик.

- Да.

- С собой?

Пауза была короткая, но в ней что-то успело пройти, будто вопрос «с собой» касался не стакана, а его самого.

- Да.

Она пробила заказ, он приложил телефон, оплата прошла со второй попытки: терминал задумался, потом пискнул зелёным.

Пока кофе лился, он стоял у края стойки и не доставал телефон. Это было почти неприлично. Он не смотрел на экран с новостями, не смотрел на витрину, не смотрел в окно. Просто стоял, и от его неподвижности пространство вокруг стойки становилось плотнее.

Лучик взяла крышку, пальцы сами потянулись к маркеру, но остановились, не дойдя до него, и это движение было таким мелким, что его никто не мог заметить, кроме неё самой. Она поставила на стакан белую крышку, ровно прижала края и пододвинула кофе к мужчине.

- Пожалуйста.

Он посмотрел на стакан, потом на её руку, задержавшуюся рядом, и не взял.

Секунда вытянулась так тонко, что стала слышной. Аня за её спиной перестала шуметь паром. В очереди кто-то шевельнулся. Лучик не подняла руку, стакан стоял на стойке, всё было нормально, совершенно нормально, но между его пальцами и её пальцами лежало расстояние, которое вдруг стало больше всей кофейни.

- Отодвиньте чуть-чуть, - сказал он тихо.

Лучик не сразу поняла, хотя слова были простые.

- Что?

- Стакан. Подальше поставьте, пожалуйста.

Она отодвинула стакан к самому краю стойки. Только тогда он взял кофе - аккуратно, без благодарности и без грубости, - повернулся и вышел, оставив после себя движение двери и короткий сквозняк.

- Ну и день, - сказала Аня, снова включая пар. - С утра все как прибитые.

Вода била по металлу, кожа на пальцах быстро краснела, и эта простая физическая боль была приятной: горячо - значит горячо, больно - значит больно, не надо подбирать безопасную формулировку.

Она закрыла воду и увидела на большом пальце след от маркера, маленькую чёрную дугу, недорисованный луч, который остался ещё от первой крышки. Потёрла салфеткой, не стёрся. Потёрла сильнее, кожа стала розовой, след остался.

Снаружи по дороге прошла скорая без сирены, просто белая машина с красной полосой, слишком чистая для этого серого утра. На остановке люди не повернули головы. На экране над стойкой ведущий без звука снова широко открыл рот, а бегущая строка сменилась на новую: специалисты рекомендуют сохранять спокойствие и не распространять непроверенную информацию.

- Луч, ты живая? - позвала Аня.

- Да.

- Там два капучино и круассан. Давай, а то сейчас очередь нас сожрёт.

- Сейчас.

Лучик взяла новый стакан, поставила его под кофемашину, насыпала кофе, вставила холдер, нажала кнопку и смотрела, как тонкая тёмная струя ложится в белое дно, как запах поднимается вверх и на секунду делает помещение настоящим. Рука снова потянулась к маркеру, остановилась, потом всё-таки взяла его и на боку стакана, не на крышке, не там, где человек

увидит сразу и почувствует, что от него чего-то ждут, а сбоку, почти служебно, едва заметно, написала маленькое слово: «тёплый».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.